

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ОСТРОВА И
КАПИТАНЫ:
ГРАНАТА

Острова и капитаны

Владислав Крапивин

Острова и капитаны: Граната

«Автор»

1988

Крапивин В. П.

Острова и капитаны: Граната / В. П. Крапивин — «Автор»,
1988 — (Острова и капитаны)

ISBN 978-5-699-15613-9

Эта книга о двенадцатилетнем мальчишке Гае, о любви к морю и об острове, на котором все удивительно и где всегда ждут увлекательные приключения. Этот роман не оставит равнодушным никого, ведь она соткана не только из тепла детства, но и из печалей взрослого мира...

ISBN 978-5-699-15613-9

© Крапивин В. П., 1988

© Автор, 1988

Содержание

Первая часть	5
Пулеметчик	5
Сомнения	14
Каретта	19
Последний из «Летающих “П”»	25
«Месяц звонкий и рогатый...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владислав Крапивин

Граната

Первая часть

Длинный день у моря

Пулеметчик

Солнце пылало. Оно обрушивало на развалины и плоские курганы лавину сухого жара. Словно кто-то сыпал с громадного, как Сахара, противня потоки горячего песка. Его тугие бесшумные струи прижимали Гая к земле.

Гай сумел упасть удачно: голова оказалась в тени высокого камня с козырьком (может быть, карнизом древнего дома). Но тело осталось в полной власти солнца. И солнце (ага, попался!) навалилось на распластанного среди колючей травы мальчишку.

Но что оно могло сделать с Гаем? Сотый раз прожарить насквозь? Добавить еще один слой к матово-кофейному загару? И Гай снисходительно, даже с удовольствием принимал на себя сквозь пыльную сетчатую майку лучи безоблачного августовского полдня. К тому же он знал: стоит шевельнуться, приподняться, и прокаленная кожа ощутит движение воздуха, в котором всегда есть прохлада близкого моря.

Но шевелиться было нельзя. И Гай ощущал, что тело его растворяется в солнечном жаре. Это было приятно и в то же время опасно: наваливалась дремливая беззаботность. И негромкий стук пулемета казался таким же мирным, как кузнечики, как шорох волн под обрывами...

Гай видел рыжий от ржавчины пулеметный ствол в щели между серыми глыбами – то ли остатками старинной башни, то ли развалинами бетонного дота. Ствол неумоимо дергался в такт частым выстрелам. Гай подумал, что если это пулемет с диском, то диск для таких очередей должен быть размером с парковое колесо смеха. А если система с лентой, то лента – как эскалатор на Ленинских горах. Но сейчас боезапас противника зависел не от дисков и лент, а от воздуха в легких. Легкие у засевшего в камнях пулеметчика были, видимо, прекрасные, и он сыпал в горячую полуденную тишину бесконечную скороговорку:

– Та-та-та-та-та-та-та-та...

Нет, не совсем бесконечную. Порой скороговорка сбивалась на редкие «тых, тых, тых», похожие на выхлопы глохнущего мотора. Иногда наступала тишина. Однако стоило кому-то из атакующих поднять голову, как пулемет взрывался новой очередью...

Обойти его с тыла казалось невозможным. За пулеметным гнездом поднималась двухметровая стена – видимо, остатки цитадели или казармы древнего Херсонеса. С флангов мешали минные ловушки. Три человека уже зацепили проволоку и выбыли из строя под злорадное звяканье консервных банок с насыпанной в них галькой. И под радостные вопли «убитых» солдат противника, которые теперь следили за боем с ближнего бугра. Эти наблюдатели не дадут схитрить и обмануть военную судьбу, если зацепишь мину-жестянку или откроешься перед пулеметом.

Да никто и не пытался хитрить. И Гай не станет. В здешней компании это не принято. Вот в Среднекамске, если игра в войну, только и слышишь: «Куда лезешь, я тебя уже убил!..» – «А вы вообще не по правилам, с той стороны договорились не нападать!..» – «Кто не по правилам? Вы сами хлыздите!»

Здесь такого нет. Может, в этих краях у ребят другие характеры, а может, просто удачная подобралась компания.

Гай познакомился со здешними мальчишками через неделю после приезда.

...В первый выходной, когда Толику не надо было идти в лабораторию, они отправились в Херсонес. Бродили среди серых стен и башен, среди засыпанных и заросших древних кварталов, среди колонн разрушенных храмов, по желтым скалистым обрывам и каменистым пляжам, где волны перекатывали крупную гальку.

Толик то хватал Гая за рубашку, когда он пытался нырнуть в черный лаз подземелья или вскарабкаться по отвесу башни, то поторапливал, если он замирал надолго над притаившимся крабом или плоским камнем с полустертыми непонятными буквами.

...Где-то в этих местах двадцать пять лет назад тяжелая мина разнесла в пыль, перемешала с землей и горячей щебенкой старшего политрука Сергея Васильевича Нечаева, который был отцом Толика. И дедом Гая. И в самые озорные минуты веселость Гая была словно припорошена пепельной пылью.

А Толик, видимо, не замечал этого.

Впрочем, печали Гай не чувствовал. И стесненности в душе, какая возникает на кладбище или просто при мысли о смерти, тоже не было. Было другое чувство, хорошее. Тайная ласковость к этой земле.

Удивительная была земля – с загадками, кладами, легендами. С теплыми камнями старинных стен, с запахом спелых трав и моря... И оттого, что частью здешней кремнистой почвы, травы и песка стал когда-то его дед, Гай ощутил эту землю своей.

Вдохнул воздух Херсонеса и с облегчением понял, что он не гость.

А до той минуты чувствовал себя приезжим.

Севастополь ошеломил Гая блеском нестерпимо синей воды, режущей глаза белизной домов и корабельных рубок, буйной зеленью незнакомых деревьев, излишне ярким своим сверканием. Гай ходил по улицам с Толиком и один, смотрел во все глаза, удивлялся и радовался, но робел в душе. Подавив робость, он лихо взбегал по каменным трапам к памятникам, с размаха запрыгивал верхом на горячие от солнца пушки старых бастiónов, храбро гладил местных лохматых псов и лихо подскакивал под разлапистыми ветками, срывая на бегу каштаны.

Так в фойе кинотеатра притворяется независимым и беззаботным пацан, проскользнувший без билета.

Казалось бы, откуда у Гая эта неуверенность? Ведь приезжего люда в городе было, пожалуй, не меньше, чем коренных жителей. К тому же Гай ничем не отличался от местных мальчишек. За два летних месяца он дома успел загореть получше многих южан, а волосы выцвели до льняной белизны. С пирсов и камней нырял он не хуже здешних ребят (а плавать в соленой воде было не в пример легче, чем в речной). Однако в глубине души у Гая гнездились боязливые отчуждение: город был не его.

И лишь в Херсонесе Гай вздохнул, словно сбросил тесную, не свою, надетую по ошибке куртку. Или словно из дальней поездки вернулся к себе, на знакомую улицу. Хотя родную улицу Гая ничто здесь не напоминало. Была солнечная тишина древних берегов и необъятность увиденного с обрывов моря...

На следующее утро Гай отпросился у Толика сюда один. Поклялся, что не будет «соваться куда не надо», а искупается только один раз, и обязательно рядом со взрослыми («или нет, два, но недолго, ладно?»).

В середине дня он, порядком уставший от лазанья по развалинам и орудийным гнездам, от солнца и купанья, сидел у воды. Надевал на травинку дырявые камешки, которые считаются амулетами. И здесь подошли к нему трое мальчишек.

– Здравствуй. Пойдешь с нами? Не хватает человека.

В Среднекамске так не знакомились. Привыкший к обычаям Старореченской улицы и ее окрестностей, Гай прикинул (на всякий случай) путь к отступлению. Сдержанно ошетинился:

– Куда еще идти?

Все трое глянули удивленно. Старший – ровесник Гая, высокий щуплый парнишка со спокойными глазами – объяснил:

– В футбол играть... Ты не бойся, это недалеко.

– А кто боится? – напружиненно сказал Гай.

Лопоухий пацаненок – самый маленький и похожий на ушастого воробья (если бывают такие) – посмотрел на Гая и на товарищей, смешно пожал колючими плечами. А третий – пухлогубый, в новенькой синей испанке с белым кантом – проговорил виновато:

– Ну, если не можешь, не надо... Как хочешь.

– Мы же только спросили, – добавил старший, пройдясь по Гаю снисходительным взглядом.

Эта снисходительность обидно царапнула Гая. Но, когда ребята пошли от него, Гаю вдруг вспомнился речной обрыв, большой тополь и мальчишка в ковбойке (тогда еще незнакомый). Да, что-то одинаковое было в интонациях у здешних мальчишек и у Юрки. И Гай ощутил быстрое раскаяние и едкую досаду на себя.

Окутанные ленивым зноем скалы и развалины сразу наскучили. И даже искупаться нельзя – два раза уже залазил в море.

Гай догнал ребят среди колонн разрушенной базилики.

– А где играть-то? Камни кругом...

Но среди засыпанных тысячетелней землей и поросших пыльной зеленью кварталов лежали широкие лужайки. На одной – вогнутой – ребята и гоняли мяч. Конечно, здесь был не стадион и даже не дворовая площадка. Камни подворачивались под ноги, шипастые головки здешнего чертополоха без снисхождения лупили по коленям, но игра шла на полном накале: мяч – такой же коричневый и поцарапанный, как игроки, – бомбой летал над колючками и сурепкой.

При счете восемнадцать – двадцать два команды обессиленно полегли. Игореша – пухлогубый пацан в испанке, – постанывая, сходил домой на недалекую улицу Древнюю и принес бидон квасу. Похожий на копченую скумбрию Славка выпросил у студентов-археологов, что работали неподалеку, батон и несколько помидоров. Сжевали, запили, и Артур (тот, что первый заговорил с Гаем) предложил:

– Купаться!

Гай с грустью сказал, что пора домой.

– А завтра приедешь? – спросил Игореша.

– Ага.

...Компания была большая, человек пятнадцать. И, кстати, не все местные. Славка, например, был сыном ленинградского профессора, приехавшего со студентами на раскопки. Близнецы Денис и Вадька – москвичи, жившие здесь летом у бабушки. Да и среди севастопольских ребят не все были с ближних улиц. Кое-кто, подобно Гаю, бродил по Херсонесскому заповеднику и познакомился с компанией случайно.

Конечно, здесь не было крепких дружеских связей. Так, ниточки приятельских отношений, вроде тех, что возникают в короткой лагерной жизни или в дачном поселке, где съехались незнакомые люди. Но все равно было хорошо. Была вольница. Этой вольнице повезло – не оказалось там ни одного нытика, завистника или такого, кто хотел сделаться атаманом. И жила она без обмана в играх, без больших обид и без ссор. Силой своей никто не хвастался, маленьких из игры не прогоняли.

Если совсем без командира было нельзя, выбирали Артура. Он спокойный и справедливый и знает здесь все закоулки. Но и он не был постоянным вожаком. Наверно, и не хотел.

Иногда кто-то из ребят на день-два пропадал, порой появлялись новые. Никто не знакомился специально. И Гай до сих пор у кого-то не помнил, а у кого-то путал имена. Многие были похожи друг на друга, как похожи люди на фотонегативах – все темнолицые и с очень светлыми волосами. Почти у всех (кроме жгучего брюнета Славки и рыжего кудлатого Руслана) волосы выпцвели, тело – под многослойным загаром. Загар этот уже не блестел, а был словно припудрен. Проведешь по ноге помусоленным пальцем – она блестит, как протертая от пыли скрипка. А высохнет – и опять на ней тонкая пыльца. Это мельчайшие чешуйки кожи шелушатся от жгучего ультрафиолета... И только следы от ссадин и заросших порезов долго розовеют, не загорают. А царапин всяких ой-ей-ей сколько, если вот так, по-пластунски, пробираться в камнях и колючках.

... – Миш... – прошелестел сзади жаркий шепот. – Ми-ша...

Пятиклассник Гаймуратов не любил свое имя. Оно казалось ему неуклюжим, как толстолапые медведжата, что рядами сидят на полках «Детского мира». Даже буквы этого имени представлялись Мишке выложенными из коричневых плюшевых колбас – вроде тех, которыми перекрывают проходы в театрах и музеях...

В школе судьба подарила Мишке новое имя. Она, эта судьба, выступила в лице драчливого и жуликоватого Витьки Дуняева, который в первом классе всех и сразу оделил прозвищами. Мишке Гаймуратову досталась обидная кличка Гайморит. Не только из-за фамилии, а еще и потому, что дедушка – известный врач. Но это слово оказалось длинным и для многих первоклассников непонятным. Скоро оно сократилось до короткого и более приличного – Гайма. После зимних каникул грозного Дуняева перевели в другую школу, и некому стало следить за строгим соблюдением прозвищ. Многие из них забылись (как забылся вскоре и сам Дуняев), а Мишка Гайма быстро превратился в Гая.

Гай – это хорошо. Некоторые даже думали, что он – Гай Муратов. Короткое имя было словно клич лихих конников. Недаром дедушка говорил, что один из давних его предков воевал в армии Шамиля. Вроде бы закончил этот предок в Петербурге кадетский корпус, был послан на Кавказ, а там перешел на сторону соплеменников, которых считал борцами за вольность. Когда Шамиль сдался, бывшего прапорщика Гаймуратова взяли в плен и хотели казнить, но царь вроде бы помиловал: не то за храбрость, не то за княжеский титул. Пленного отправили на поселение в Вятскую губернию, где он женился на дочке местного лекаря и дал нескольким поколениям русских медиков свою фамилию.

Бабушка – мамина мама – иногда поддразнивала деда:

– Как же, Андрей Владиславович, этот князь мог жениться на русской? Он был мусульманин, а она христианка! Это запрещалось.

– Н-ну, не знаю, – защищался дедушка. – Наверно, принял христианство.

– Вот тебе и раз! Воевал за ислам, под знаменем пророка Шамиля, а потом – в христиане?

– Я думаю, он воевал не столько за ислам, сколько за свои понятия свободы, – не сдавался дед. И добавлял с лукавством: – К тому же, любезная Людмила Трофимовна, любовь бывает сильнее всяких религий. Мир знает тому немало примеров. А?

Впрочем, рассказывая семейную легенду, дед и сам посмеивался. И добавлял:

– Больше никого из кавказцев у нас в роду не было. Но иногда чувствуется в крови что-то такое: хочется схватить шашку, и на коня...

Мама считала, что «такое» есть в крови и у Мишки. Иначе в кого он? Папа – сосредоточенный, весь в своих научных делах, спокойный и в очень толстых очках – в молодости его даже на фронт из-за близорукости не пустили. Мама – тоже с ровным характером и бывшая

отличница... Когда мама пудрила Мишкины синяки или разглядывала его дневник, она качала головой и говорила со вздохами:

– Черкес ты непутевый у меня, Мишка...

Мама одна умела говорить «Мишка» так, что имя не казалось неуклюжим. Она мягко растягивала слог «ми», а тяжелый плюшевый звук «ш» почти исчезал в мамином вздохе. Но и мама иногда называла сына школьно-уличным именем: «Опять за стол с невымытыми руками? Ох, Гай, получишь ты у меня трепку!»

Никакой трепки от мамы он никогда не получал. Разве что хлопнет она его по затылку, заросшему светлыми, совсем не черкесскими волосами, так это со смехом...

А иногда мама называла его Гаем и по-другому, ласково: «Ох, Гай ты мой Гай, в кого у тебя глазищи такие?» («Какие?» – буркал Гай. Мама смеялась: «Как купорос».) Или строго: «Гай, где тебя черти носили до темноты?»

Струйка теплого воздуха шевельнула на затылке волосы, а показалось – будто мамина ладонь. «Ох, Гай, где ты у меня, а?»

А он здесь. Далеко-далеко от родного Среднекамска. Лежит, прижатый к твердой кремнистой земле потоками сухого зноя и бесконечными «та-та-та» засевшего в камнях пулеметчика.

– Ми-шка.

...Он постеснялся здесь назвать себя Гаем. А на «Мишку» до сих пор отзывается с замедлением – с непривычки и от внутреннего упрямства.

– Миш... – его дернули за ступню. Гай оглянулся. Сзади – взмокший, в сдвинутой на затылок испанке – лежал Игореша. – Артур сказал, чтобы ты закидал пулемет гранатами.

– Да у меня всего одна! – Гай сжимал в правой ладони бумажный, перевязанный нитками пакет с сухой землей. Такие гранаты они понаделали с утра. Теперь их осталось совсем мало.

– У меня есть две... Но мне их не добросить, – самокритично выдохнул Игореша.

– Давай...

Одну Игорешину гранату он взял в левую руку, вместе с рейкой, изображавшей автомат. Вторую с натугой запихал в задний карман на шортах. Карман, и без того уже надорванный, затрещал. Гай мужественно чертыхнулся. Затем толчком ввинтил себя в ломкие заросли подсохшей травы (похожей на полынь, но с другим запахом) и прополз до края каменистой открытой площадки на пологом склоне.

До пулемета было теперь метров десять.

Отсюда Гай разглядел, что пулеметное гнездо – вовсе не остатки дота и не древние развалины. Это просто два больших камня, приваленные плоскими верхушками друг к другу. Между ними темнела треугольная щель. Из нее и торчал тонкий ствол с наконечником, похожим на ржавую воронку.

Воронка все так же неутомимо дергалась. Частое «та-та-та» стало теперь отчетливей и громче. И, кажется, злее. И Гай вдруг ощутил сильное раздражение против упрямого пулеметчика: засел там в тени, а ты тут жарься и царапайся из-за него! И вообще...

Что «вообще», Гай объяснить не смог бы, но все вокруг сделалось жестче и серьезнее. Будто хищная воронка ствола могла и в самом деле ожечь Гая хлесткой болью.

Гай приподнялся на левом локте и швырнул гранату. Она полетела по крутой дуге. Земля посыпалась из порванной бумаги и оставила в воздухе пыльный след. Пакет лопнул от удара на внешнем скате камня в полутора метрах от амбразуры. Пулеметчик, видимо, даже не заметил «взрыва». Гай с горькой злостью на себя понял, что, будь граната настоящей, ни осколки, ни взрывная волна не зацепили бы пулемет.

Гай часто и сердито подышал, заставил себя успокоиться и хладнокровно бросил вторую гранату. Хладнокровие не помогло. Тугой бумажный кулек упал далеко в стороне от амбразуры и безобидно застрял среди мелких камней.

Все, конечно, видели, какая он размазня!

«Та-та-та-та-та...» – злорадно выводил неуязвимый пулеметчик. Гай встал на колени и дернул из кармана последнюю гранату. Дернул яростно – карман опять затрещал, бумага лопнула. Понимая, что все уже зря, что разорванный пакет не долетит, Гай не сдержал гневной обиды на себя и на весь белый свет – метнул гранату просто так, не целясь. Будто врагов впереди было множество. Пыльная начинка рассыпалась в воздухе, драный пустой кулек обессиленно спланировал, не пролетев полпути. А Гай упал ничком. От беспомощной злости и стыда.

– Миш, ну ты чего? – зашелестел позади Игорешин полусшепот. – Мишка, давай...

Что «давай»? Будто глупый Игорешка не знает, что гранат больше нет... Или...

– Миша, ты ближе всех.

Вот, значит, что! Ясно, чего ждут от Гая все, кто залег среди колючек и ракушечника. Пять скачков вверх по наклонной каменной площадке и – грудью на ствол!

Про это столько раз читали. В кино видели...

Это просто и быстро. Давай, Гай!

Ну, что же ты, Гай...

Потом он не раз будет ломать голову: почему не бросился? Просто потрошить себя станет, чтобы докопаться до самой начальной причины. Может, показалось, что это не игра, а все по правде? Может, Гай просто и понятно испугался? Но если и так, то это лишь на дольку секунды. А лежал он сколько?

Лежал, пока не увидел, как со стены позади пулеметного гнезда прыгнули Артур и Славка. Значит, все же пробрались через мины, зашли с тыла!

Они скакнули с двухметровой высоты на камни и легли на них плашмя. Славка махнул белой веревкой, набросил на торчащий ствол петлю и вместе с Артуром сильно дернул аркан. Трехногий голенастый пулемет с тонким стволом и прижавевшим сверху диском вылетел из амбразуры. Конец ствола обломился. Пулемет запрыгал вниз по склону и опрокинулся, нелепо задрал треногу. Он был похож на дохлого великанского кузнечика.

Все-все теперь мчались вверх с победными криками.

И Гай бежал. Правда, чуть позади остальных.

Кто-то лягнул пулемет, и он опять покатился, подпрыгивая. Гай перескочил через него. Казалось бы, надо остановиться и разглядеть. Не каждый день видишь пулеметы, хотя и ржавые. Но инерция толкнула Гая вперед. Да и... не только инерция. Еще и стыдливое опасение – словно старый пулемет мог усмехнуться: «Сперва испугался, а теперь любопытствуешь?»

Вся компания – и атакующие, и «убитые» из обеих армий – запаленно дыша, встали перед амбразурой. Гай увидел несколько ребят и девочку – такую же загорелую, как мальчишки, курносую, с прямыми желто-белыми волосами до плеч. Девочка-то явно была не из воюющих. На плече она держала брезентовую мужскую куртку, в руке – пустую сумку из клеенки. Видимо, подошла из любопытства.

Впрочем, Гай подумал о ней лишь мельком, потому что Игореша удивленным шепотом спросил:

– Ты почему не побежал на пулемет? Раз гранат не осталось, надо было вперед...

Шепот был громкий, и на Гая сразу глянули несколько человек. Гай проклял в душе Игорешу и сказал с явной интонацией старожилы среднекамской окраины:

– Чё зря выхваляться-то? Если бы по правде герои...

Тут сунулся «ушастый воробышек» Вовка:

– А по правде пошел бы?

– А ты? – огрызнулся Гай.

– Ой, я нет, наверно... – вздохнул простодушный Воробышек, и Гаю стало полегче. Тем более что на него уже и не смотрели. Смотрели на каменное укрытие пулеметчика.

Славка сказал в треугольную амбразуру:

– Эй, ты чего? Вылазь, сдавайся.

В гнезде было тихо.

– Ну, хватит уж, – сказал Артур. Без победного хвастовства и даже чуть виновато. – Все равно ты один остался и без пулемета. Все равно наша победа.

Незнакомый Гаю пулеметчик вылез на свет.

Он появился не из амбразуры, а из щели у стены. И поднялся, расставив перемазанные сухой землей ноги.

Гай сразу подумал, что мальчишка похож на свой пулемет. Костлявый, ломкий в суставах, с пятнами ржавчины на порванных шортах и на серой от пыли майке. Он был весь припорошен этой пылью. А в растрепанных волосах застряли комки земли и раковина улитки.

Гай ощутил стыдливую хмурую враждебность к мальчишке – такую же, как к его пулемету.

Казалось бы, чего злиться? Пулеметчик был младше Гая года на два. Беззащитный, пленный... Но нет, он не казался беззащитным. Он глянул на всех из-под пыльных ресниц, и во взгляде его был чистый синевато-стальной блеск. Тонко и непримиримо пулеметчик сказал:

– А почему ваша победа?

Все молчали, смотрели на гранату.

Граната висела на груди у пулеметчика. Она была не старая, не ржавая – не то что пулемет. Лаково-черная «лимонка» с медной трубкой запала и блестящим проволочным кольцом. Она цеплялась рычажком за вырез ворота и сильно оттягивала майку.

– А почему ваша победа?! – Пулеметчик вскочил на вершущи двух камней над амбразурой. Секунды три он смотрел сверху – на одинаково удивленных противников и союзников. Потом втянул сквозь сжатые зубы воздух и рванул у лимонки кольцо. И взметнул гранату над головой. Упала тишина, и Гай услышал в этой тишине звонкое шипенье. А потом – чей-то неразборчивый тонкий вскрик. Не страх, а похожая на сильный холод тоска приморозила Гая к месту. И он смотрел на зажатое в грязных пальцах мальчишки овальное ядро лимонки неотрывно. И копошилась под тоской пустая, ненужная мысль, что квадратики, на которые разделен корпус гранаты, похожи на шоколадные дольки. На одном квадратике горела солнечная искра.

А шипенье стало тише, и пулеметчик опустил руку.

– Ну? – сказал он.

– Тьфу, дурак, – выдохнул Артур. – Я уж подумал: настоящая...

– Я тоже, – часто дыша, признался Игореша. – Как заору. А упасть не догадался.

«Я ведь тоже решил, что настоящая», – понял Гай. И разозлился на пулеметчика еще больше.

– Чего зря падать-то, – усмехнулся кудлатый Руслан. – У такой разлет осколков двести метров... Сержик, покажи.

Но пулеметчик Сержик, упрямо блестя взглядом, ответил:

– Вашей победы – нету! Теперь все убиты.

– И ты, – сказал воробышек Вовка.

– И я, и вы. Все равно вашей победы нет.

– Ну нет, нет, – нетерпеливо согласился Артур. – Ничья. Прыгай сюда. Покажи игрушку-то...

И мальчишка прыгнул с камней. Рукою с гранатой вытер под носом, размазав по щекам пыль, улыбнулся. И стал не пулеметчик, а просто поцарапанный и усталый Сержик.

– Ох и перемазался. Просто чучело, – сказала девочка.

Артур взял гранату:

– Как зашипит... Будто по правде запал горит... Где раздобыл такую? Или сам сделал?

– Не... – Сержик вытряхивал из волос землю. – Это Андрей, наш сосед. Он ее нашел, вычистил, а потом запал приладил... Там пружинка тонкая – как дернешь кольцо, она дребезжит, будто огонь шипит... Андрей, когда в армию пошел этой весной, мне на память оставил. А бабушка спрятала. Говорит: что за игрушка, страсть такая!

– Ну и правильно говорит, – негромко, но безбоязненно заметила девочка. – Все мальчишки безголовые...

– Андрей же пустую нашел, он понимает... А бабушка ее – за сундук. Я сегодня все равно отыскал...

Граната пошла по рукам. Каждый качал ее, тяжелую, рубчатую, в ладони, выдергивал кольцо, и жидкая пружинка в медной трубке запала отзывалась тревожным шелестом.

Гай тоже подержал и дернул (и это, надо сказать, было приятно: в руке ощутилась грозная сила). Но он без задержки передал гранату Руслану. А сам отошел.

Стыдливая досада на себя не оставляла Гая. И усиливала раздражение против пулеметчика. Конечно, Гай и виду не показывал. Не то что от ребят, он и от себя-то был бы рад спрятать все эти едкие перепутанные чувства. Но от себя ничего не спрячешь.

Гай делал вид, что озабочен полуоторванным карманом, и со скрытой ревностью поглядывал со стороны, как толкуются ребята вокруг Сержика. Видно, они считали бывшего пулеметчика героем.

А что он, в самом деле герой, что ли? Прыгнул, дернул кольцо... Попробовал бы так по правде...

Но почему-то пулеметчика никто не спросил, как Вовка спросил Гая: «А по правде пошел бы?» Видно, поверили, что Сержик и в самом деле смог бы.

«Просто дело в том, что граната как настоящая, – подумал Гай. – Увидели ее, вот и показалось, что он сам такой же... настоящий. А если бы бумажная, фиг бы кто поверил...» Но вспомнил Гай взгляд пулеметчика и понял, что все не так просто.

И все же он повторил про себя хмуро: «Потому что граната настоящая...»

Гранату все еще разглядывали. Потом Сержик засмеялся, что-то сказал и, будто объясняя, дернул опять кольцо и кинул гранату. Кинул не очень умело. Лимонка – тяжелая, а силенок-то у него... Граната упала недалеко, за кубическим пористым камнем на границе голой площадки. Пистолетно щелкнула по обломку ракушечника и тяжело покатилась сквозь стебли сурепки вниз по склону. Путь ее был замечен по быстрому шевелению мелких желтых цветов на верхушках травы. Потом шевеление затихло.

Все побежали вниз. И Гай пошел торопливо. Лишь у кубического камня (наверно, цоколя старинной колонны) чуть притормозил, толкнул ступней в сторону широкую черепичную плитку.

Искали гранату долго. Вырвали всю траву, осмотрели места широко вокруг. Она как сквозь землю провалилась. То есть могла, конечно, и провалиться, здесь хватало древних колодцев и подземелий. Но поблизости ни одной отдушины или щели не нашли. Просто фокус какой-то. Не превратилась же «лимонка» в один из камней-кругляков, что валялись в траве!

Пулеметчик сник, все его жалели. Даже виноватыми себя чувствовали. А кого винить-то? Сам кидал.

Нет, но куда она могла деваться?

Простодушный воробышек Вовка даже сказал:

– Может, кто прихватил, а? Лучше признавайтесь.

Все невесело рассмеялись: если бы кто-то и пошел на такое свинство, куда бы спрятал свою добычу? Любой карман оттопырится, любая майка отвиснет.

Ушастый Воробышек неосторожно посмотрел на сумку и брезентовую куртку девочки. Девочка легко уронила куртку, а сумкой деловито хлопнула Вовку по пыльной спине. И вздохнула:

– Дурак...

А Вадька – один из близнецов – ехидно спросил:

– Ну что, Вова? Есть там граната?

Все опять виновато посмеялись. Пулеметчик Сержик вдруг вскинул голову и решительно сказал:

– Ну ее, ребята. Пропала так пропала. Пошли купаться.

Все повеселели. Только Артур проговорил с недоумением:

– Но все-таки где она?..

– Что теперь, бригаду с раскопок звать? – недовольно бросил Славка.

Сержик махнул рукой:

– Может, потом еще поищем... А может, и не надо. Мне из-за нее от бабки два раза уже ой как влетало! – Он смешно дернул лопатками – показал, что влетало крепко и что сейчас он не так уж расстроен потерей. – Пошли на пляж под колокол!

Он первый запрыгал к обрыву, и все за ним.

Только девочка осталась на месте. И Гай.

Артур вернулся:

– А вы чего?

– Мне в ларек надо, – сказала девочка.

– А ты, Мишка? Не будешь купаться, что ли?

– Я думаю...

– А чего думать? Окунемся – и обедать!

– Я не об этом думаю...

Он думал: «Сказать или не сказать?»

– Да пошли! – дернул его за руку Артур.

Толик, зная, что Гай теперь не один, больше не требовал никаких обещаний. Гай каждый день купался, сколько хотел.

В жару даже самая теплая вода кажется прохладной. Гай с разбега бултыхнулся в глубину. Йодисто-соленая, щиплющая накалившую кожу свежесть смыла с Гая тревогу и сомнения. Гай открыл глаза. Увидел в просвеченной солнцем зелени стайку метнувшихся ставридок, бесцветное пятно медузы и коричнево-золотистые гибкие тела приятелей. Выгнулся и рванулся вверх...

И все же легкий осадок на душе остался. Когда ребята одевались, Гай сидел и молчал.

– Пойдем к нам, – предложили близнецы. – Бабушка блинчики с вареньем обещала сделать. Поедим – и в кино.

– Не, у меня дела...

Впервые за эти дни Гай хотел быть один.

Сомнения

Компания разбрелась – до завтра. Гай остался на берегу.

Он посидел минут десять, пересыпая камешки. В мокрой разноцветной гальке, в обкатанных осколках черепицы, сахарного мрамора и бутылочных стекол встречались белые кусочки костей. Чьих? Греческих, скифских, русских, немецких? Море все смешало в полосе прибоя... Гай уже не первый раз подумал, что, может быть, скользнул между пальцев гладкий осколочек дедушкиной кости. Но подумал без страха и грусти, а лишь с оттенком привычного уважения. И снова стал думать о другом.

Вернее, ни о чем он не думал. Сидел, слушая шорох воды, и машинально отрывал от своих облупленных ушей пластинки кожи. Уши от солнца шелушились все лето, ничего с этим нельзя было поделать...

Наконец он встряхнулся: надо одеваться. Правый карман сзади на шортах был оторван почти наполовину. Гай задумчиво оторвал его совсем. На выгоревшей материи остался ярко-синий квадрат. Гай усмехнулся и оторвал левый карман – для симметрии. Получилось ничего, даже красиво. А карманов хватит и боковых. Что в них, в карманах-то? Мятый забытый платок, ключ, несколько пятак да бумажный рубль – Толик дал на обед.

По зигзагам бетонной лесенки Гай поднялся на обрыв недалеко от морского колокола, колокол был подвешен меж столбов, похожих на квадратные башни. Говорят, еще недавно в колоколе висел могучий чугунный «язык» и от него шел к недалекому белому домику трос. Во время штормов и туманов колокол тревожно гудел, предупреждал моряков о близких скалах. Но теперь другие сигналы, современные, а он так, пенсионер. Одна работа – побренчать для туристов, когда бросят камешком.

Гай миновал разрушенный желтый собор. Мальчишки рассказывали, что в первый час войны на купол собора упала немецкая парашютная мина – одна из тех, которыми фашисты пытались загородить выход из Северной бухты (фиг им, не вышло!).

Если бы не честное слово «не соваться», Гай давно бы побывал внутри, несмотря на грозные надписи «Опасно для жизни!». А сейчас приходится лишь разглядывать через проломы тускло-золотистую мозаику в полумраке таинственных развалин.

Гай прошел мимо переднего знака Лукулльского маячного створа. Знак был похож на вздыбившийся у обрыва рельсовый путь с черно-белыми шпалами. Гай привычно взбежал глазами по лесенке шпал. Красный фонарь створа светил, несмотря на яркое солнце.

Солнце все погружало в дрему. Сонным был храм, замерли острые кипарисы, заколдованными воинами казались пыльно-белые колонны на древней площади Херсонеса. Не шевелилась сероватая сладко-пахучая трава. Дремали даже сизые катера на гладкой воде Карантинной бухты. И старушка в дверях будки у главного входа в Херсонес дремала, не взглянула на мальчишку.

Гай дождался автобуса – «пятерки» – и доехал до проспекта Гагарина. Там пересел на троллейбус и скоро вышел у кинотеатра «Мир». Напротив стояло кафе-стекляшка с названием «Тюльпан».

Гай был голодный. Но в кафе солнце жарило даже сквозь зашторенные стекла, и от пластиковых столов пахло кислой капустой. При мысли о горячем супе замутило. Гай взял шницель с макаронами, но и его сжевал лишь наполовину. Запил теплым компотом. Столовой еды больше не хотелось, но в желудке все равно сосало от голода. И даже голова слегка кружилась.

Гай пошел к троллейбусной остановке. Троллейбус как раз подкатил и зашипел дверьми. Если побежать, можно успеть. Гай не побежал. Зато другие спешили. Его обогнала женщина с полными сумками. Из сумки выскочили на асфальт два алых мячика.

– Тетенька, помидоры потеряли! – лениво крикнул Гай.

Та, не оглянувшись, втиснулась в троллейбус, он уехал.

Гай подобрал помидоры. Если судьба что-то подбрасывает, зачем отказываться?

Гай ополоснул помидоры в мойке газировочного автомата, вернулся в «Тюльпан», обмакнул их в солонку и вышел опять.

Помидоры были спелые и прохладные. Откусывая от каждого по очереди, Гай перешел горячий от солнца проспект и нырнул в тень на улице Гавена. Он решил вернуться в Херсонес пешком.

Улица вывела его к школе, стоявшей на бугре. Школа была безлюдна. Но через две недели здесь все будет по-другому... А Гай будет дома, далеко-далеко отсюда. Это, конечно, хорошо, но ребятам, что учатся в этой вот школе, рядом с морем, рядом с древним таинственным городом, Гай от души позавидовал.

От школы тропинки вели через пологую ложбину: одни к плоскому берегу Песочной бухты, другие – снова вверх, к остаткам крепостной стены и на мыс, к развалинам сторожевой башни. Развалины торчали над обрывом, как двойной зуб исполинского чудища.

Гай оттер с ладоней о майку помидорный сок и вприпрыжку припустил через ложбину к башне. Напрямик, без тропинок. Через солнечное, полное тишины и кузнечиков безлюдье.

Плети ползучих трав хватили за щиколотки, но не сильно, шутя. Подсохшие листья и колючки царапались, но не больно, а так, для порядка. Солнце горячими ладонями весело подталкивало Гая в спину и затылок. Он без отдышки взбежал к башне. Вот что значит два случайных прохладных помидора!

У башни Гай остановился. Море под обрывом слегка опускалось и подымалось. Со звоном, но почти без пены вода накатывалась на камни. Потом она отступала, и тогда из маленьких гротов и расселин вырывались минутные водопады. Вдали море было ровно-синее, а под обрывом – разноцветное. Сквозь пологую, почти незаметную зыбь солнце высвечивало дно, как сквозь бутылочное стекло. Видны были зеленовато-желтые плиты песчаника со змеистыми проблесками от ряби и быстрыми тенями от рыбешек, красно-бурые мохнатые водоросли и черно-изумрудные провалы глубин. В глубинах качались размытые пятна медуз...

С моря тянул неторопливый ветерок. Из-под обрыва, как медленные вздохи, долетала прохлада. Кружили чайки.

Гай прислонился к неровным камням башни и глянул на горизонт. Синева моря отделялась от выцветшей безоблачной голубизны четкой, как фиолетовая струна, чертой. У этой черты маячили полупрозрачные силуэты сторожевиков. Их мог разглядеть каждый, у кого хорошее зрение.

Но Гай видел то, чего не увидят другие. Над струной горизонта вставал похожий на сизое плоское облако остров. Если приглядеться, можно было разглядеть сквозь дымку желтоватые обрывы и такие же, под цвет скал, башни и зубчатые стены. Кубики домов, пальмы, длинные лестницы на откосах. Шпили и флюгера. Синюю цепочку лесистых гор позади крепости и домов...

Остров приближался, наплывал. Послушная командам Гая шлюпка с дружными гребцами шла к острову под равномерный веселый скрип. И вот захрустел под тяжелым килем песок.

– Подождите меня здесь, – сказал Гай матросам.

– Да, капитан. Есть, капитан...

Капитаны бывают не только взрослые. Был, например, пятнадцатилетний капитан. Почему не быть такому, которому двенадцать? В своей сказке ты сам хозяин.

Гай придумал эту сказку-игру не здесь и не сейчас. Об острове, где всюду тайны, где в любом переулке можно наткнуться на приключение и где, если повезет, встретишь самых

понимающих и надежных друзей, он мечтал лет с девяти. Иногда забывал, а иногда сказка захватывала все мысли. Даже снилась.

Гай стеснялся своей игры. Правда, однажды, этой весной, он рассказал об острове Юрке Веденееву. Тот слушал внимательно и без всякой насмешки. Но и без большого интереса. Видимо, считал, что от придуманных приключений жизнь интереснее не делается. А друзей на острове искать ни к чему, если есть рядом Гай, а у Гая есть рядом он, Юрка. Плохо, что ли?

Это было совсем не плохо, Юрка – человек что надо. Он доказал это еще зимой, когда в Парке судостроителей им повстречался полузабытый Дуняев с друзьями. Дуняев узнал Гая:

– Гайморит! Какая встреча! Старый друг!..

Гай себя трусом не считал, но сейчас сразу понял, на чьей стороне перевес, и, хотя было противно, слабо улыбнулся. Будто не обижается и все это так, шутка.

– Ты куда, Гайморит?! Давай поговорим! – За рукав схватил. – Ты чего такой невежливый?

– Ну чё... – сказал Гай, а Юрка повел себя как надо. И дружки даже не посмели вмешаться, когда, скуля и держась за глаз, Дуняев пошел прочь. Гай запоздало лягнул на прощанье одного из робких дуняевских спутников. А Юрке сказал:

– Знаешь, я как-то растерялся... – Иногда лучший способ избавиться от неловкости – это сразу признаться.

– Бывает, – рассеянно кивнул Веденеев. Будто ничего не случилось. Он был понимающий человек. Гай заметил это еще при первом знакомстве, в сентябре...

Но про остров Юрка не понял, и Гай об этом больше с ним не говорил. В конце концов, с Юркой и без всяких сказок было хорошо...

...Но порой сказка так тянет к себе, забирает в плен.

...Гребцы остаются в лодке, а Гай идет по тропинке к бугристой крепостной стене. Он ясно видит и камни, из которых сложена цитадель, и даже крапинки слюды в камнях – они поблескивают под вечерним солнцем, которое светит в спину. И неровную глинистую тропинку видит...

Стена как бы разрезана щелью. В щели – узкая лестница. Она стиснута высокими гранитными постройками без окон. Ступени – крутые и стертые, того и гляди ногу свихнешь. Когда Гай начинает уже уставать, слева он замечает в стене сводчатую нишу и дверь из тяжелых досок. Дверь приоткрыта.

Гай входит в извилистый прохладный коридор. Пусто. В полумраке горят над головой фонари – то ли со свечами, то ли с газом. Коридор тянется, тянется и приводит Гая в комнату с полукруглым окном. Солнце наклонными широкими лучами упирается в полки с кожаными старинными книгами. Блестит бронзовое кольцо на громадном глобусе. Рядом с глобусом, на низком дубовом столе, лежат свитки и желтые разлохмаченные листы.

Гай чувствует, что на много шагов вокруг нет сейчас ни одного человека – ни в комнатах, ни в коридорах. А еще он знает, что в каждой книге, в каждом свитке со старыми морскими картами – какая-то загадка. Выбирай, Гай. Любую...

Он тянет со стола свиток.

Свиток тяжелый! Почему?

Гай тянет сильнее. Бумажная труба раскручивается. К ногам Гая падает черная круглая граната.

Гай вздрогнул. Такого еще не было в сказке... Но и гранаты в его жизни до нынешнего дня не было! А сейчас она о себе напомнила. Гай повел плечами – стесненно, стыдливо и... нетерпеливо. Остров исчез. Быстро, уже без остановок, Гай добрался до бугра с пулеметным гнездом.

Похожий на дохлого кузнечика пулемет по-прежнему валялся среди камней. Гай глянул на него искоса. Прошел выше, к кубическому камню.

Оглянулся. Поодаль бродили одинокие туристы, но близко не было ни души.

Гай ошутил толчки сердца, сел на корточки, отодвинул от камня кусок черепицы. В открывшуюся щель упал прямой луч. Яма под камнем была неглубокая, с полметра. Луч загорелся колючим огоньком на черной грани гранаты.

Когда пулеметчик бросил гранату, Гай стоял в стороне. Он видел то, чего не заметили остальные. Граната, упав за камень, выбила из земли серый, похожий на черепашку голыш. Он и покатился сквозь траву, обманув мальчишек. А «лимонка» рикошетом ушла в норку под большим камнем – словно решила перехитрить хозяина.

«Стойте, она там!» – хотел крикнуть Гай, когда все бежали вниз. Но ребята промчались очень быстро. Ладно, пусть поищут, а он потом хитро посмеется и скажет. И Гай пошел следом. На пути попала широкая черепичная плитка. Прямо под ногу. И Гай, еще не думая (или почти не думая), пяткой отшвырнул ее к камню. Он виноват разве, что плитка так ловко, будто нарочно, прикрыла узкую черную нору?

Сначала, когда искали, Гай все ждал момента, чтобы сказать: «Прошляпили гранату? Эх вы! Да она совсем в другом месте!» Ждал, ждал... Сказать лучше всего было, когда пулеметчик совсем сникнет и, может быть, даже пустит слезинку. Гай сразу пожалел бы его.

Но пулеметчик сперва запечалился, а после махнул рукой: «Ну ее, ребята. Пропала так пропала...»

Едкая досада снова укусила Гая.

«Ну ее? Тогда ищи сам, если захочешь...»

Он понимал, что искать гранату выше по склону никому не придет в голову. «Не будешь в другой раз хвастаться и строить из себя героя», – добавил он, старательно ожесточаясь в душе.

И если так получилось, пускай лежит граната в тайнике под камнем, никому не известная. И, значит... уже ничья.

А что, разве зря все так вышло? И камень-кругляш, и незаметная норка, и то, что Гай лишь один все это видел? И кусок черепицы под ногой... Будто сама судьба хотела...

По дороге в кафе Гай вдруг встревожился: а если под камнем глубокое подземелье? Но теперь оказалось – просто выемка. То ли какой-то зверек вырыл, то ли дождевая вода размывала рыхлую землю... Гай вынул гранату. Покачал ее в руках – увесистую, рубчатую. В ней, хотя и в пустой, чудилась боевая мощь. Как в тяжелом пистолете «макарове», который однажды показал ребятам отец Витьки Лаврентьева, офицер. Дал Гаю, Витьке и Юрке подержать и разрешил даже по разику щелкнуть курком...

«С такой-то можно себя хоть кем вообразить», – опять шевельнулась мысль. Но додумывать ее Гай не стал. Потому что пришлось бы представить и то, как среди врагов ты рвешь кольцо и... и тогда опять как перед пулеметом...

И все же Гай дернул кольцо. Но уже с другой мыслью – с той, что шевелилась позади обиды на пулеметчика. С мыслью, как здорово будет притащить эту штуку в класс. «Гай, ух ты! Гай, она раньше была настоящая? Дай подержать! Гай, где взял?» – «Нашел там, у моря. В тех краях этого добра хватает, война ведь была...» – «Гай, давай меняться!» – «Нет, я же ее не себе... Я Веденееву привез...» И, тая от собственной щедрости, он скажет: «Юрка, держи, это тебе...»

Гай дослушал, как шипит в запальной трубке чуткая пружинка, и вставил на место чеку с кольцом... и услышал шаги! Дернулся, уронил гранату, обморочно съежился.

Шаги были легкие. Несомненно, кто-то из мальчишек вышел из-за каменной стенки.

Не сразу и через силу Гай повернул голову.

В траве шел серый тощий кот.

– У, бандюга... – чуть не со слезами сказал Гай. Кинул в кота улиточной ракушкой. Тот не ускорил шага, только презрительно дернул поцарапанным ухом. Это презрение Гай полностью отнес к себе. Облегченья он не чувствовал. Стыд, хлынувший на Гая, был тяжелым, вязким и липким, словно сверху опрокинули цистерну холодной смолы.

Такой стыд Гай до этого испытал, пожалуй, лишь однажды. Два года назад он пробрался в кабинет деда и в толстых медицинских книгах разглядывал картинки – те, что совершенно не для детского глаза. Гай понимал, что, скорее всего, помрет на месте, если его увидят за таким занятием. Но какое-то особое, «замысловатое» любопытство было сильнее запрета и страха. К тому же Гай знал, что дома он один.

Он увлекся настолько, что не услышал, как вернулась бабушка. И обмер, когда она вошла в кабинет.

Бабушка не сказала ни слова. Взяла у Гая книгу и поставила на полку. Потом ухватила его за ухо и повела в другую комнату. Обмякший от позора и ужаса, Гай не пикнул и не оказал сопротивления. Он был готов к самой жуткой каре. Но бабушка оставила его одного и молча прикрыла дверь.

До вечера Гай тяжело томился в ожидании последствий. Но ничего не происходило. Только мама спросила, почему Гай такой присмиревший. Не заболел ли?

После ужина Гай носил на кухню чашки и не смотрел на бабушку, которая хлопотала у раковины. Бабушка вдруг сказала, будто продолжая разговор:

– Самое скверное даже не то, что ты совал нос, куда не следует. Любопытство можно, в конце концов, понять. Но ты *обещал* дедушке не трогать без спроса его книги. Значит, тебе нельзя верить?

Гай сопел, снова увязая в стыде, как в жидком студне.

– Иди сюда...

Он, волоча ноги, подошел (ох как было тошно). Бабушка вытерла белую, без цветочков и полосок, чашку – любимую пиалу деда.

– Смотри, – она поднесла чашку к виноватому носу Гая. – Совесть у человека должна быть такой же, без пятнышек. Иначе будешь всю жизнь маяться, как сегодня. Понял?

Гай, краснея, но с облегчением выдохнул, что понял. И с той поры обещаний старался не нарушать. А то себе дороже.

...Но сейчас-то он никакого обещания не давал! И никому ничего не врал! Если бы спросили: не знаешь, где граната? – сказал бы сразу. А так что? Обязан он, что ли, докладывать?

Дранный серый кот опять прошел в пяти шагах и глянул ехидно: «А чего же ты так обмер?»

«Потому что ребята могли подумать, что я нарочно стащил», – сказал Гай. Себе, конечно, а не коту.

«А ты не стащил?»

«Я?! – старательно возмутился Гай. Он уложил гранату в нору. – Вот! Пусть ее ищет, кто хочет! Пожалуйста!.. Смотрите, я даже черепицу выкинул, пускай будет все как само собой случилось, я здесь вообще ни при чем... Пусть граната лежит хоть сколько... хоть целую неделю. А если не найдут и забудут, тогда... ну, тогда не все ли равно: здесь она останется, никому не нужная, или окажется... у того, кто про нее знает? Все будет законно...»

Гай выпрямился, шуганул кота и побежал к обрыву.

Каретта

Ему опять хотелось искупаться. Избавиться от жары, смыть усталость и... ну, и мысли всякие тоже пускай смываются.

Но когда Гай спустился с обрыва, сонливое утомление окутало его неодолимо. Гай только сбросил кеды и сел на ячеистый желтый камень. Небольшие волны перекачивали гальку, подбирались, заливали ступни. Гай привычно брал мокрые камешки, перебрасывал лениво, сыпал на колени... Потом глянул на горизонт и опять попытался представить остров.

Не получилось.

Остров появлялся лишь в такие минуты, когда не было на душе тревоги. А сейчас Гая все еще точило сомнение. Насчет гранаты. Уже не сильно точило, но полного покоя не было.

Опять закружилась голова. Наверно, от ровного набега воды... Гай встал, встряхнулся. Скользя по камням, вошел в воду по колено. Плеснул в лицо полную пригоршню, фыркнул, выпрямился и... Что случилось?!

Он никогда не испытывал такой боли!

Ядовитая игла вошла в середину ступни, прошла Гая до затылка! Боль скрутила Гая, швырнула на берег, скрючила на гальке. Все стало едко-желтым – небо, море, камни, мысли...

Хотя нет, мыслей не было. Только нестерпимая игла в ступне и ощущение яда в каждой клеточке тела! Гай заорал бы во всю силу, но горло перехватило, воздух стал твердым, Гай корчился и выгибался, не понимая, почему еще не умер.

И никого не было рядом. Лишь в полусотне метров бултыхались несколько ныряльщиков с масками. Никто, конечно, не смотрел на скрюченного, задыхающегося мальчишку...

...Потом в боли появились как бы окошечки. Короткие послабления. В один из таких моментов Гай сел. Вытаращив глаза, стиснув ступню, он дышал разинутым ртом и с ужасом ждал, что игла вгонит в него новую порцию яда...

– Ты что?

В размытом желтом пространстве (которое тоже было болью) возникла девочка. Кажется, та самая, что была с мальчишками на бугре. Не все ли равно? Ой!.. Ну когда кончится эта мука?!!

– Ну-ка, дай... – Она оторвала от ступни его руки. Взяла ее в свои ладони. Холодные. – Ну-ка, ляг...

Он откинулся на гальку.

Руки, маленькие, мягкие и решительные, сдавили ступню раз, другой. Сильнее. Словно выдавливали иглу. Прошлись быстрыми пальцами от щиколотки до колена. Опять сжали ступню упругим кольцом. Прохладные ладони будто втягивали боль в себя, яд нехотя уходил из Гая. К небу, к морю медленно возвращались голубые тона. Гай со стоном приподнялся на локте. Боль все еще была отчаянная, но уже из тех болей, которые можно кое-как терпеть. И к тому же она все смягчалась.

– Лежи, лежи, – сказала девочка. – Ты, наверно, на дракончика наступил.

– На кого? – спросил Гай со всхлипом.

– На рыбу такую, ядовитую. Не знаешь разве?

– Я не здешний...

– А... Ну, лежи. Ты не сильно наступил, это ничего.

Гай опять упал на спину. Ладони девочки снова прошли по ноге, убирая еще один слой боли. И Гай, который всегда смертельно боялся щекотки, сейчас лишь благодарно улыбнулся.

Девочка опять сказала, глядя на свои руки:

– Ты не сильно наступил... У дракончика в плавнике такой шип ядовитый. Если глубоко воткнется, тогда всякое бывает. Даже больница... А у тебя поболит и пройдет...

Болело уже совсем обыкновенно. Гай сел. Девочка подняла лицо. Оно было загорелое. Нос вздернутый и веселый, глаза серые и серьезные. Она смотрела сквозь длинные пряди волос. Потом, кажется, смутилась. Опять взялась за его ногу. И маленькие решительные ладони приказали боли стать еще мягче и глуше.

Гай мигнул мокрыми ресницами и спросил вполне серьезно:

– Ты колдунья?

Она сказала без улыбки:

– Я внука колдуна. Он вон там... – и кивнула на море.

Метрах в двухстах от берега стояли веи рыбачьих сетей. Маячило несколько лодок. Стрекотал мотобот.

– Значит, твой дедушка – рыбак?

– Да, он в бригаде. Ставриду ловят... Был механик на траулере, а как на пенсии оказался, пошел в артель. Чего, говорит, дома сидеть. В море, говорит, и помру... – Девочка вздохнула и поправила волосы.

– Ты же сказала, что он колдун, – слабо улыбнулся Гай. – Колдуны не умирают.

– Так это он сам говорит... Но он еще крепкий.

– А почему колдун?

– Потому что все про море знает. Про ветры, про рыб... И меня маленько научил разбираться.

– Ничего себе «маленько», – опять улыбнулся Гай. – Нога уже почти не болит... То есть болит, но так... по-человечески.

– И еще поболит. Но не сильно. А завтра совсем пройдет... Если будет больно ходить, ты не бойся, все равно ступай. Дедушка говорит, это полезно... Ты далеко живешь?

– Ох, далеко, – огорчился Гай. – На ГРЭС.

– У-у...

– А ты здесь?

– Нет, я в городе... Я дедушке поесть приносила, а потом он попросил за папиросами сбегать.

– Разве колдуны курят? – опять улыбнулся Гай.

– Да. «Беломор»... А еще велел робу домой отнести, зашить. – Девочка шевельнула на песке брезентовую куртку.

– Тебе, наверно, домой надо, – виновато сказал Гай. – А ты со мной возишься...

– Я не тороплюсь. Когда сможешь, вместе пойдем. Я тебя до Графской пристани провожу.

– Да ну... – с неуверенной бодростью отозвался Гай. – Я сам дойду. – Он поднялся. – Вот, уже можно ступать. Ой...

– Нам все равно по пути до Графской, – сказала девочка.

– Тогда ладно.

Гай не ощущал скованности, какая бывала раньше при знакомстве с девчонками. С этой девочкой ему было хорошо и спокойно. Ну, почти как с Галкой. Только сестра старше Гая на шесть лет, а эта – ровесница. Одного с Гаем роста, тоненькая, в бело-синем выгоревшем платье, с облупленными мальчишечьими коленками и в старых полукедах... Она заметила скользящий взгляд Гая, а Гай понял это и смутился. Но смущение было легкое, даже приятное.

И Гай опустил глаза, посопел и спросил:

– Тебя как зовут?

– Ася.

Гай вздохнул удивленно – так подходило ей имя. Почему-то представился тростник с белым волокном головок и спокойный посвист ветра в стеблях.

– А меня... Мишка... – Он поморщился от досады на себя и сказал решительно: – А чаще меня зовут Гай. Из-за фамилии.

Ася кивнула без улыбки:

– Гай – это хорошо. Похоже на Гайдара, да?

– Ну... не знаю... – Сравнить себя с Гайдаром было бы большим нахальством. Но стало все-таки приятно.

– Тебе у Гайдара какая книжка больше нравится? – спросила Ася.

– Не знаю... – Гай никогда об этом не думал и теперь старался сообразить. – Может быть, «Школа»...

– А мне «Судьба барабанщика»... Книжка и кино. Ты смотрел этот фильм?

Гай кивнул. Ася наконец улыбнулась. Неожиданно.

– Я когда в первом классе была, думала, что байдарка называется «гайдарка». Лодка для пионерских походов. Пела: «На гайдарке, на гайдарке по реке наш путь далек...»

Гай обрадованно сказал:

– А я раньше думал, что «пирога» от слова «пирог». Потому что бабушка такие острые пирожки стряпает, как лодочки... Смотри, Ася, я уже ступаю.

Они ехали в город в полупустой «пятерке», что ходит от Херсонеса до площади Нахимова. Автобус неторопливо подвывал на подъемах. Гай держал на коленях твердую брезентовую куртку. От нее пахло рыбой и табаком.

– Ты откуда приехал? – спросила Ася.

– Из Среднекамска. Слышала?

– Конечно, слышала... Далеко-то как.

– Всего три часа на самолете.

– Я на самолете только в Москву летала. Один раз... У меня там тетя. А у тебя здесь кто?

– У меня?.. Мы так приехали, ни к кому. С Толиком...

– С братом?

– Ага... То есть это мой дядя, но он все равно что брат. Я его раньше «дядя Толя» звал, а потом он сказал: «Какой я тебе «дядя»? Не старь меня перед девушками».

– Значит, молодой еще...

– Он с виду будто студент. А вообще-то уже тридцать лет... Ты думаешь, он отдыхать сюда приехал? Он подводный аппарат испытывает. Такого робота-разведчика... Ася, этот аппарат может и рыбные косяки в море искать! Толик рассказывал...

– Рассказывал? – слегка удивилась Ася. – Значит, это не секретный аппарат?

– Ну... не знаю. По-моему, нет. С чего ты взяла?

– Я «Судьбу барабанщика» вспомнила. Там мальчик Славка отца-инженера спросил про новое изобретение. Отец стал объяснять, а Славка как закричит: «Ты же мне про сепаратор рассказываешь, который у бабки в деревне!» Помнишь?

– Ага... – соврал Гай. – Но Толик не про сепаратор... Он сперва сказал: «Представь, что океаны – это космос. Так вот, наша штука – это то же, что спутник в космосе».

Ася осторожно возразила:

– Спутники в космосе всего десять лет летают. А в морях подводные лодки уже давным-давно. И аппараты всякие...

– Я Толику так же сказал. А он говорит: «У нас совсем другое дело. Системы не те, и задачи другие». И объяснял про всякую автоматику. Я тогда вроде бы все понял, а сейчас в голове перепуталось... У них теперь в лаборатории последняя подготовка, Толик там с утра до вечера. А я, видишь, гуляю... – Гай виновато посопел: – На дракончиков наступаю... – Нога ныла ровной несильной болью.

Ася сказала с шутливой назидательностью:

– Маленьких мальчиков нельзя оставлять без присмотра.

– Ага, – подыграл ей Гай. – Но выхода не было. Отец с зимы в Алжире, там химический завод строят, он специалист. Маму к себе в отпуск вызвал, а про меня сказали, что нельзя. Галка, это сестра моя, в студенческом отряде, они Ташкент восстанавливают. А бабушке наконец-то путевку дали в Ессентуки... А с дедушкой ни мама, ни бабушка меня ни за что на свете оставить не решились бы. Говорят: все равно что двух младенцев со спичками дома запереть... А тут как раз Толик приехал. Он вообще-то в Москве живет...

– Повезло тебе, да?

– Ага... Мама говорит: «Толик, спаси, а?» Он спрашивает: «А ты не боишься этого пирата со мной отпускать?» Это меня то есть... А она: «Боюсь, конечно. Но все-таки ты серьезный человек, кандидат наук...» Ну вот, приехали, а здесь все не так, как думали: Толик по уши в работе, а я шастаю... Мне-то даже лучше, только он переживает...

– Тебе у нас нравится?

– Еще бы, – вздохнул Гай. – Первые дни я как-то ошалел. От моря, от всего... А сейчас будто давным-давно здесь живу... У меня дедушка почти севастополец.

Это вырвалось у Гая неожиданно, хвастаться дедом он не собирался, просто захотелось показать, что он, Гай, здесь не совсем чужой.

– Он что, раньше в этих местах жил? – спросила Ася.

– Он не жил... Он здесь воевал и погиб... Это не тот дед, который в Среднекамске, а мамин отец. И Толика...

Автобус потряхивало. Ася сбоку молча смотрела на Гая. Волосы ее качались над плечами. Гай сказал тихо:

– Он в этих местах погиб, у Херсонеса. От мины...

Дед – политрук Нечаев – всегда казался Гаю похожим на командира с известного фотоснимка «Комбат». Как он с пистолетом поднимается из окопа и зовет бойцов в атаку. Но сейчас дед представился другим. Лежащим в земле. Вроде каменного великана, вросшего в глубинные толщи херсонесских берегов, спаявшегося с глыбами древней разрушенной цитадели. И с бетонными блоками дотов и оружейных гнезд. Он – сама эта земля. Громадный, просто километровый, лежит он, сложив на груди каменные руки... И... сверху через черную нору скатывается ему на руку тяжелая «лимонка».

«Что это?» – спрашивает дед, не поднимая бетонных век.

«Это... так. Дедушка, это случайно. Я потом уберу...»

«Уберешь? Куда? И зачем?..»

«Ну... это вроде трофея...»

«А! Значит, ты добыл его в бою?..»

Что за подлая штука – непрощенные мысли! Гай с досадой трахнул пяткой о стойку сиденья. И выгнулся, охнул: ядовитая игла прошла от ступни до колена.

– Что? – испугалась Ася. – Опять?

– Да нет, я сам, нечаянно... – Боль милостиво отступила. Гай вытер лоб.

– Все-таки ты молодец, – сказала Ася. – Другие знаешь как орут от дракончика. А ты и не пикнул. Там, на берегу...

– Думаешь, почему не пикнул? – усмехнулся Гай. – Дух перехватило. А то знаешь как орал бы...

– Другие все равно орут, хоть и перехватывает...

Они сошли на площади Нахимова.

– Ну, как? Ступаешь?

– Нормально, – прихрамывая, сказал Гай. – Плохо только, что рано приехали. Мы с Толиком должны в полвосьмого на причале встретиться, а еще шесть.

– Ничего, подождем...

Не торопясь, дошагали они до пристани. Ниже колоннады и лестницы, на дощатом широком настиле, толпились экскурсанты, и морской патруль вежливо требовал у растерянного дядьки вынуть из аппарата пленку: незачем снимать на рейде то, что не положено, город военный. Синели в бухтах боевые корабли, сновали катера. От них разбегались волны и звонко хлопали под досками.

Рядом с начищенными медными кнехтами сидели мальчишки-краболовы. Спускали на шнурах круглые сетки с наживкой и ждали, когда простодушные крабы сами заберутся в ловушку.

– Не люблю, когда крабов ловят, – сказала Ася. – Жалко их...

Гай кивнул:

– Если рыбу, это понятно. А их-то зачем?

– Их тоже едят... А еще чучела делают или сувениры – клешни на цепочке. Все равно жалко. Они пользу приносят, дно очищают... Гай, ты был в нашем аквариуме?

– Нет... В Панораме был, в Музее флота, на Малаховом кургане. А в аквариум пошли с Толиком, да там очередища...

– А хочешь?

– Сейчас? Билеты не купим.

– Если шагать можешь, пойдем...

Очередь была в самом деле большущая. И у кассы, и у входа. Но Ася решительно подвела Гая к дверям и что-то шепнула контролерше – дородной загорелой тете. Та заулыбалась и кивнула.

Внутри обняла Гая благостная прохлада с резкими морскими запахами. В застекленных шкафах он увидел чучела рыб, кораллы, раковины. Со стен скалились чучела акул. Гай вздохнул и стал оглядываться. Но Ася сказала:

– Да здесь все мертвое. Пойдем...

В следующем зале морской запах был еще сильнее. В круглом бассейне ходили осетры и похожие на куски черной клеенки морские коты. Из «клеенки» торчали острые, как шипы, хвосты, и у Гая опять сильно кольнуло ступню...

Стены состояли из громадных аквариумов, просвеченных солнцем. Ася и Гай медленно пошли вдоль стекол. За стеклами проплывали стаи серебряных и разноцветных рыб – узких и круглых, больших и мелких; юрких, как пацаны, и солидных, как пенсионеры. Пронеслись морские ласточки, важно глянул на Гая пестрый морской петух... Шелестели среди водорослей пузырчатые струйки воздуха, ходили по камням замшелые старые крабы.

– А вот дракончик, – сказала Ася.

Гай увидел невзрачную рыбку с коротким, словно подрубленным хвостом.

– Да ну его, – поморщился он.

– Все-таки запомни. Знать-то надо... Ой, Гай, иди сюда, смотри.

Сверху в пустой, без рыб, аквариум тихо всплыла исполинская ластиногая черепаха. Больше метра в поперечнике.

– Средиземноморская, – прошептала Ася.

Черепаха глянула на Гая печальными, совершенно человеческими глазами. Ему даже неловко сделалось: он на воле, а она здесь. Наверно, грустит по Средиземному морю.

– Я читал, что такие черепахи очень умные.

– Конечно, умные... Этой больше ста лет... Знаешь, как такую породу зовут? Каретта.

– Карета?

– Да, только с двумя «т»... На ней и правда можно кататься, как на карете, на облучке. Я видела в кино, как ребята катаются. Эти черепахи добрые, они даже моряков спасают, если корабль потонет...

Гай сказал со вздохом:

– Ты меня сегодня тоже спасла, как каретта...

Ася рассмеялась так звонко, что на нее оглянулись, а черепаха обиженно отвернулась.

– Каретта «Скорой помощи», – сказала Ася.

– Ага, – засмеялся и Гай.

В половине восьмого Толика на пристани не оказалось. Это не встревожило Гая. Утром Толик сказал: «Если меня не будет, значит, я уехал раньше. Добирайся один, а я за это время ужин приготовлю... В четверть девятого дома будь как штык».

Что же, Гай так и будет, успеет. Вот и катер подошел...

При прощании с Асей возникла грустная заминка.

– До свиданья, – сказала Ася.

– Пока... – вздохнул Гай. Что еще сказать? Он набрался смелости и спросил: – А завтра дедушке обед понесешь?

– Не знаю... Мне завтра с утра на рынок надо...

– Мы утром с Толиком тоже на рынок заходим иногда, – неловко сказал Гай.

– Вы каким катером приезжаете?

Гай повеселел:

– Обычно в восемь сорок пять.

Ася укладывала в сумку дедушкину куртку. Не разгибаясь, быстро глянула на Гая. Сказала серьезно:

– Я запомню.

Последний из «Летающих “П”»

Катера ходили на Инкерман по-разному. Одни резво бежали сразу до мыса Голландия, где стоит большущее здание морского училища. Другие не спеша чертили бухту зигзагами – на Северную сторону, потом на Аполлоновку, затем опять на Северную...

«Румб» оказался таким вот неторопливым. Гай сидел на корме, на стопке твердых спасательных нагрудников, и нетерпеливо поколачивал по ним ногой. Правой, конечно. Левая все еще ныла.

Солнце уже потускнело и сваливалось к горизонту. Загорались перистые облака. Небо стало желтовато-серым, вода – перламутровой, по ней бежали золотистые зигзаги. От этих зигзагов на черных корпусах и белых рубках теплоходов, что всюду стояли на якорях, змеились длинные отсветы. На палубе синего крейсера выстраивалась команда.

Все это было интересно и красиво, но Гая уже всерьез грызла тревога, что он опоздает. И тогда...

Хотя что будет тогда? Толик его сроду не ругал. Они оба уважали равноправие. Конечно, Толик мог что-нибудь не разрешить (например, лезть в старую минную галерею у Четвертого бастиона или нырять с камней в незнакомом месте за Хрустальным мысом), но это было не обидно. Толик всегда объяснял, почему нельзя. Слегка насмешливо, но терпеливо. Лишь один раз рассердился. Выдал Гаю напрямик:

– Ты говоришь «хочется». Мало ли кому что хочется! Мне сегодня, например, хотелось засесть с приятелями на весь вечер в «Волне». Там знаешь какие чебуреки! А я с вашим сиятельством гуляю, достопримечательности показываю.

Да, это было один раз, в самом начале. С той поры Гай вел себя умнее. Понял, какой груз взвалил на себя молодой дядюшка, согласившись взять с собой беспокойного племянника.

Было даже удивительно, что так легко согласился.

Конечно, они с Толиком и раньше неплохо знали друг друга. Толик приезжал в Среднекамск часто. А в прошлом году Гай с мамой жил у него целый месяц в Москве. Но именно поэтому Толик не мог не знать, что племянничек его (или брат, если хотите) не из породы тихих мальчиков.

Гай вспомнил разговор Толика и мамы незадолго до отъезда. Он слышал его сквозь приоткрытую дверь. Толик смеялся:

– Да ладно, Варь, управлюсь. Надо привыкать. Глядишь, когда-нибудь своих заведу.

Мама, кажется, сказала, что пора бы. А Толик вздохнул:

– Все на свете повторяется. Опять старшая сестра, которой некогда, опять мама, которой надо ехать, а мальчишку некуда девать... Помнишь, это было в сорок восьмом году, в Новотуринске? Меня тогда в лагерь сплавили...

– Сейчас путевку не достать, – сказала мама. – Да и попробуй уговорить этого паршивца поехать в лагерь. Для него режим и дисциплина страшней всех казней... Ты тоже был обормот, но как-то рассудительнее.

– Всякое бывало, – усмехнулся Толик. – А Мишка-то чем плох? Он же добрый, только поскакать любит... Знаешь, есть такое слово, не очень современное, но для Мишки подходящее: «постреленок».

Мама, помолчав, сказала:

– Вполне современное. И подходящее, конечно. Хотя, видишь ли, Толик, он постреленок, но... не так все это просто. Вот идем мы, например, по улице, он пустую консервную банку гонит по асфальту, гремит. «Перестань сейчас же», – говорю. «Ага, мама...» И еще пуще. И вдруг – тихо. Смотрю – стоит. «Что с тобой?» А он банку ногой чуть-чуть пошевеливает, и от

нее – зайчик на заборе. От золотистого донышка. «Смотри, – говорит, – будто невидимка мне желтой ладошкой машет...» И потом целых полчаса ходил тихий...

Гай не помнил случая с банкой. Но, с другой стороны, что особенного? Сказки и в самом деле иногда придумываются на ходу. Так придумался однажды и остров.

...На острове, у самых стен старой крепости, – желтые широкие пляжи. На песке лениво и безбоязненно греются каретты. Смотрят карими понимающими глазами на загорелых пацанов, когда те прибегают на пляж из соседней школы. На острове круглый год – лето. Мальчишки не в серой суконной форме, а в разноцветных рубашках, сшитых из шелковых сигнальных флагов, которые подарили им отцы – капитаны и смотрители маяков.

Ребята бросают на песок сумки и прыгают на добрых послушных черепах. Те возят их по песку и мелководью. Брызги и смех...

Но бывает, что мальчишки не тревожат каретт. Это если у тех вылупляются из зарытых в песок яиц детеныши – юркие твердые черепашата. «Пострелята». Они роют в песке норы, забиваются на камни, с веселым стуком падают друг на друга, а потом вереницей бегут к морю...

Веселая черепашня ребяшня... Только... что-то немного не так. словно тень пробежала по золотистым пескам. Может, оттого, что панцири черепаших пацанят напомнили Гаю половинки гранат-лимонок? Но при чем здесь это?

Гай сердито встал. Игла опять ощутимо кольнула ступню, но он не сел, подошел к борту. Грудью лег на планшир...

Если сравнивать совесть с фаянсовой чашкой, то она никогда не была у Гая как после бабушкиного мытья. Случались на ней пятнышки и крошки, похожие на прилипшие чайинки. Были и трещинки – их не смоешь, сколько ни оттирай. Например, тот случай с Дуняевым или история с дедушкиными книгами. Или с сигаретами в четвертом классе... Ну да ладно. Трещинки эти иногда щипало, или почесывались они, как зарастающие царапины, вот и все. А теперь на дне белой чашки каталась черная дробина. И у дробины, если приглядеться, была форма рубчатой гранаты.

«Но я же не взял! Я ее до последнего дня, до самого отъезда трогать не буду, вот!.. Ну... может быть, я ее совсем не возьму! Пускай так и лежит, наплевать...»

Дробина перестала кататься. То ли исчезла совсем, то ли притаилась. Гай прислушался к себе, словно качнул чашку: не покатится ли железное зернышко снова?

Вроде бы не катается, но...

Но сразу забылось все. Гай поднял глаза и то, что он увидел, было чудесно и неправдоподобно. Почти как его остров.

Катер отошел от причала Голландии и развернулся левым бортом к Инкерману. И на фоне оранжевых, освещенных последними лучами обрывов перед Гаем возник парусник.

Парусов не было, но тем не менее любой мог понять, что это именно парусник. Корабль из книг о кругосветных путешествиях. Мачты его, пересеченные строгими горизонталями реев, и паутина тросов создавали волнующий рисунок, знакомый по картинкам из Станюковича и Жюль Верна. До сих пор Гай смутно чувствовал, что в здешней чудесной морской жизни чего-то все-таки не хватает, и теперь понял: не хватало вот такого корабля. И сейчас он возник – вздымал свои мачты над притихшими от зависти сухогрузами, танкерами и лесовозами.

Корабль стоял носом к морю. К плавучей бочке тянулись из клюзов провисшие швартовы. Белый корпус делался все ближе, Гай прочитал на борту черное название:

КРУЗЕНШТЕРН

Про такой парусник Гай и не слышал. Знал, что есть «Седов», «Товарищ», немагнитная шхуна «Заря». Слышал, что в фильме «Алые паруса» недавно снималась трехмачтовая «Альфа». А оказывается, еще и вон какой есть на свете!

Гай ехидно сказал себе: «А воображал, будто в морских делах разбираешься...»

Катер шел недалеко от борта с крупным пунктиром иллюминаторов. Корпус «Крузенштерна» был громаден – не меньше, чем у лайнера «Россия», который Гай недавно видел у пассажирского причала рядом с Графской пристанью. А мачты вообще уходили в поднебесье.

Катер прошел. «Крузенштерн» стал удаляться, словно тихо скользил в сторону открытого моря. Теперь он четко чернел на красно-лимонном закате во всей красе своих мачт и снастей.

Гай вздохнул – со смесью радости, зависти и тоски.

– Что? Хорош? – услышал он мужской голос.

Рядом оказался пожилой моряк в мятой торгфлотовской фуражке и кофейной куртке с черными погончиками штурмана.

– Откуда такой? – выдохнул Гай.

– С Балтики. Рейс делает с курсантами.

– Счастливые, – сказал Гай.

– Это правильно, – согласился штурман. – Не каждому повезет, чтоб на паруснике. Да еще на четырехмачтовом барке... Знаешь, что такое барк?

– Ага. Я в судомodelьном занимался...

Моряк искоса глянул на Гая:

– А сейчас? Значит, уже не занимаешься?

– Руководитель уволился.

– Бывает... – Штурман придвинулся к Гаю. – А я курсантом на «Товарище» ходил. Не на нынешнем, а на довоенном. Очень он похож был на «Крузенштерна»... Ну, правда, этот из другого семейства. Слышал про «Летающих «П»?

– Не...

– Были такие... В Германии, у судовладельца Фридриха Лаеша. Все они назывались на букву П. В начале века много их было. Возили через океаны шерсть, руду, уголь...

– А «летающие», потому что быстрые?

– Именно.

– Клиперы?

– Нет. Большинство их построили уже после клиперов. Это были последние океанские парусники, стальные виндjamмеры – выжиматели ветра. Этот вот назывался «Падуя». Спустили его на воду сорок лет назад, даже раньше. В двадцать шестом, на верфи в Бремерхафене. А в сорок шестом году, когда мы с союзниками делили трофейный флот, «Падуя» перешла к нам. И стала «Крузенштерном»... Про такого капитана слышал?

Гай не то чтобы обиделся, но счел нужным сказать:

– Что я, совсем дремучий, что ли?

Моряк посмеялся. Гай объяснил:

– Я книжку «Водители фрегатов» читал. Там про Крузенштерна и Лисянского целая повесть... А этот «Крузенштерн» быстрее клиперов ходит?

– Рекорды клиперов никакие большие парусники перекрыть не могли. Но виндjamмеры ходили почти так же, а груза брали гораздо больше. И обходили мыс Горн при любых ветрах. Их иногда так и звали – «капгорнеры».

«Летающие «П», «виндjamмеры», «капгорнеры» – это как из какой-то морской баллады. И рассказывает о них настоящий моряк, такой, что сам под парусами ходил! Это уже само по себе как приключение. Гай млел от ощущения небывалого подарка судьбы. Чтобы не угас разговор, он торопливо спросил:

– А много еще на свете «Летающих «П»?

– Да нет, дружок. Это последний.

– Жалко...

– Да... Десять лет назад погиб его собрат «Памир», учебное судно Западной Германии.

Опрокинулся во время урагана...

Гай вопросительно вскинул глаза.

– Говорят, капитан распорядился взять в трюмы сыпучий груз, – сказал моряк. – А переборки убрали, чтобы выгадать объем. Ну а при крене груз вроде бы сместился к борту... Но надо сказать, что в эту версию не все верят. Трудно представить, чтобы опытные моряки сделали такой просчет...

– А тогда... почему?

– Возможно, необычная, непредвиденно большая волна. Такие иногда возникают в океане, явление это еще не изучено...

– А люди спаслись?

– Всего семь человек.

Гай оглянулся на «Крузенштерн». Барк был уже далеко, но виделся четко. Стройный, гордый, он казался в то же время и печальным. Черный на закате... Может, в этот вечерний час он грустил о погибших братьях? Невесело быть последним...

Но вдруг на корме «Крузенштерна» белой звездочкой мигнул огонь. Яркий, неунывающий. Живем, мол...

«Месяц звонкий и рогатый...»

Все было не так просто, как думалось Гаю. Инженер-конструктор Анатолий Нечаев решился взять с собой племянника не сразу. Были всякие сомнения. Но понимал Толик, что сестре Варваре очень надо повидаться с мужем, который застрял на строительстве где-то в африканских песках. Бывает в жизни, когда человеку что-то очень надо. Иначе бы Варя и не решилась отпустить своего Мишку с братом за три тыщи верст от дома.

Позволить, чтобы Мишкина бабушка – и его, Толика, мама – отказалась от санатория, он тоже не мог. Мама много лет маялась с печенью, да и вообще здоровье было неважное. Возраст-то уже за шестьдесят...

«Вот видишь, никуда не денешься», – сказал себе Толик, чтобы убедить себя окончательно. Потому что с точки зрения здравомыслящего человека это была явная авантюра: тащить с собой непоседливого мальчишку, когда едешь работать.

Но помимо всяких объективных причин для этой «авантюры» была еще одна причина – лично его, Толика.

Как многие взрослые люди, запоздавшие с устройством семейной жизни, он с глубоко спрятанной завистливой ласковостью смотрел на чужих детей. Особенно на мальчишек. Потому что в каждом мужчине живет мечта: чтобы у него был сын. Может быть, мечта эта не всегда и осознанная, дремлющая под пластами повседневных забот и жизненных сложностей, но она есть, она теплится и порой обжигает душу вспыхнувшим ревнивым огоньком – при виде растрепанной голосистой вольницы, гоняющей мяч на пустыре, или отчаянных велосипедистов, обогнавших тебя по поребрику тротуара (один на седле, другой на багажнике – ноги вразлет, зацепил, обормот, пыльным кедом по брючине), или при встрече с деловитым семилетним музыкантом, который несет по улице большущий, с себя ростом, футляр...

Сыновья – надежда, радость и гордость мужчин. Мечта о сыне – голос природы. И пока нет своего, смотришь на чужих пацанов с тайным вздохом нерастраченного отцовского чувства.

А Мишка-то не был чужим. Сын любимой сестры. И мудрено ли, что привязанность Толика к «белобрысому черкесу» была хотя и сдержанной, но прочной. Гораздо прочнее, чем можно было заметить со стороны. Правда, самому ему эта привязанность казалась не отцовской, а скорее как к младшему братишке. Но это, наверно, потому, что и себя-то инженер Нечаев не всегда ощущал взрослым.

В прошлом году, когда Варя с сыном гостила у брата, Толик с удовольствием возил Мишку по Москве, лазил с ним по крутым склонам Ленинских гор, по заросшим оврагам в Коломенском и купался на пляже в Химках. Мишка был непоседлив, неумоим, изредка капризничал, но, в общем-то, они жили душа в душу. И, видимо, поэтому Варя сейчас решилась без особых страхов отправить Мишку с Толиком.

Конечно, не предполагалось, что Гай будет болтаться один, пока Толик занят в лаборатории. Зимой Толик познакомился с молодым штурманом Васей Калюжным. Вася в то время только что списался с гидрографического судна «Шокальский» и поступил преподавателем в детскую морскую флотилию. Такой невыгодный для зарплаты и биографии шаг он сделал ради того, чтобы каждый день быть вместе с молодой супругой, ибо праздновал медовый месяц. У молодых были две комнаты в трехкомнатной квартире плюс кладовка-боковушка. Толик созвонился с Васей, и счастливый штурман охотно согласился пустить на месяц в боковушку Толика и Гаю. Мало того, они договорились, что, когда Толик будет занят, Гай сможет с пользой проводить время с ребятами во флотилии. А со стороны Васиной супруги ожидался кой-какой «женский присмотр» за Гаем.

Увы, все складывалось настолько удачно, что на самом деле и быть не могло. Пока Толик и Гай готовились к путешествию, пока добирались до Севастополя с трехдневной остановкой в Москве, у супругов Калюжных произошла стремительная, но не редкая в наши дни драма. Недовольная тем, что муж теперь не ходит в выгодные заграничные рейсы, Васина жена вывезла на грузовике вещи и уехала с ними к маме. Было неясно, куда она денет мебель и телевизор в тесном мамином домишке, но скоро выяснилось, что у «мамы» черные усы, погоны старшего лейтенанта и должность начальника вещевого склада.

Штурман Калюжный с горя тут же уволился из флотилии и ушел третьим помощником на траулере, промышлявшем у кавказских берегов. А Толику оставил ключ и записку:

«Анатоль!

Такова жизнь, счастье недолговечно. Комнаты в твоём распоряжении. С этой стервой, если придет выскребать последнее имущество, обходись в соответствии с обстановкой, но лучше всего гони в шею. Одежда, подушки и простыни – внутри дивана. Соседка – Агния Леонтьевна – покажет, где посуда, и сообщит подробности. Она (соседка) мрачна снаружи, но добра душой.

Привет тебе и племяннику, будь здоров. Не женись.

Базиль».

Толик беспомощно выругал несчастного Базиля и его супругу, выслушал о деталях супружеской драмы от Агнии Леонтьевны – высокой полной тетки с суровым лицом и печальным голосом – и задумался. Но думай не думай, а не отправлять же Мишку обратно. Так и стали жить. Самостоятельно.

Конечно, Толик за Гая тревожился. С неугомонным мальчишкой случиться может всякое: тут море, скалы, пещеры и все такое. Слышал Толик и рассказы, как ребята нет-нет, да и откопают что-нибудь взрывчатое... Но, с другой стороны, Гай поклялся в ненужные места не соваться и непонятные штуки в руки не брать. А Толик знал, что, если Гай обещает, верить можно... И в конце концов, живут же нормальной вольной жизнью здешние пацаны.

Кроме того, у Толика была в душе необъяснимая теплая уверенность, что этот город ни ему, ни Гаю никакой беды не принесет. С первого приезда сюда, еще в шестидесятом году, Толика не оставляло чувство, что здесь люди по-особому добрые, море – самое теплое, улицы – ласковее и красивее, чем в других городах. Может быть, потому, что за этот город дрался и погиб здесь отец? Погиб – и своей жизнью, своей кровью защитил от будущих бед сына и внука...

Севастополь был для Толика городом удач. Всякая работа шла здесь у него «со знаком плюс». И сейчас аппарат оказался готов к спуску раньше, чем можно было ожидать.

...Это, конечно, великая удача, что упрямый Тасманов согласился наконец на изменения в схеме. Толик мог бы, как руководитель проектной группы, настоять на этом и вопреки Тасманову, но тогда возникла бы в группе та напряженная разобщенность, которая вызывает суеверное предчувствие неудачи. А сейчас у всех на душе праздник и ощущение каникул. Праздник – потому что вся логика, все расчеты, вся интуиция говорят, что испытания пройдут удачно. А каникулы – потому что все готово и остается ждать, когда начальство даст капитану «Стрельца» добро на выход. Едва ли даст раньше десятого сентября – срока, назначенного в соответствии с графиком.

Теперь пара дней отладки, последнее «ныряние» в бассейне, и пойдут дни относительно свободные и беззаботные. Толик еще вчера пообещал Гаю, что теперь они чаще будут вдвоем.

– Потому что выкинули этот ваш блок ДЗД? – спросил Гай.

– Угу...

– А что это такое? Объяснил бы хоть...

– Дополнительная защита двигателя. Идея ненаглядного Гришеньки Тасманова. Нужна как рыбе зонтик... Нет, в самом деле! Это все равно что в подводной лодке укутывать моторы в полиэтилен, а экипаж одевать на всякий случай в водолазные скафандры...

Гай вспомнил этот разговор, когда от причала ГРЭС карабкался по тропинкам к верхним улицам поселка. Уже сгущались сумерки. Вода в бухте была еще светлая (и силуэт «Крузенштерна», видимый с высоты, четко рисовался на ней), но кусты, в которых петляли тропинки, окутались мохнатой темнотой. Гай продирался по ним наугад. Любая тропинка приведет к верхней улице. А там еще немного по лестнице, и дом – вот он.

Этот двухэтажный белый дом был уже привычный, почти свой. И одно было плохо: далеко от города. И высоко. Вечером приезжаешь с гудящими ногами, с пустым желудком, а тут еще восхождение...

Ну, ничего. Вот уже и улица, и двор в акациях... Почему-то света нет в окне на втором этаже. А! Толик, наверно, на кухне...

Гай поднялся по кряхтящим ступенькам и оказался в коридорчике, где пахло керосином и копченой рыбой. Дернул дверь *своей* комнаты. Заперта! Он сунулся на кухню:

– Агния Леонтьевна! А где Толик?

– Не приходил еще, Мишенька... Ты голодный небось? Хочешь, супчику налью?

– Не... спасибо...

С упавшим сердцем Гай шагнул назад. Постоял. Нашарил в кармане ключ, отпер дверь. Нащупал выключатель.

Голая лампочка загорелась ярко, но сиротливо. Почти пустая побеленная комната (диван, раскладушка, табурет вместо стола) впервые показалась Гаю неудобной.

Гай потерянно сел на застеленный одеялом диван. Потом лег – затылком на валик...

День побежал в памяти, как запущенная с конца в начало кинолента: тропинки, катер, «Крузенштерн», каретта, Ася, дракончик, нора под камнем, купанье, пулеметчик... А перед этим – утро на причале. Толик:

– Если меня не будет, добираться один. Значит, я уже дома, ужин готовлю...

Раньше Толик никогда не опаздывал. От Гая требовал точности, но и сам – если скажет, можно не сомневаться. А сейчас что? Беда какая-то?

Гай сказал себе, что никакой беды, конечно, нет. Толик застрял в лаборатории, споря с Тасмановым. Или просто опоздал к катеру на несколько минут. Приедет на следующем. Но это Гай умом понимал. А беспокойство никуда не девалось. Такое, что даже тоска брала.

Гай лежал, слушая, не простучат ли на улице шаги по ракушечной плитке. Иногда стучали, но не его, не Толика. Да и бессмысленно было ждать сейчас. Катера ходят через сорок минут.

«А если и тогда его не будет?» – заранее ужаснулся Гай.

Так или иначе, эти тоскливые минуты надо было пережить. Гай велел себе не раскисать и потянулся рукой назад, за изголовье. Там лежала на полу стопа книжек и журналов.

Под руку попало несколько «Огоньков», прошлогодние, за разные месяцы. Гай полистал... Повесть о шпионах (без начала, без конца – неинтересно). Мягкая посадка автоматической станции на Луну. Встреча Л. И. Брежнева с Иосипом Броз Тито... Рассказ о ташкентском землетрясении...

Как там, в Ташкенте, Галка?

И как дела дома?

Мама должна в эти дни уже вернуться...

Гай зажмурился и представил свой дом на Старореченской улице. Родной, привычный, с запахом вымытых половиц, с поскрипыванием тяжелых дверей. Будто прошелся по всем ком-

натам, полным книг и позванивания старых, еще прабабушкиных люстр... Но легче от этого не стало. Наоборот, почувствовал Гай, как далеко он от дома и какой он одинокий. И какой усталый до чертиков и голодный. И нога, оказывается, все еще болит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.